

Федор Плевако

САМЫЕ ЯРКИЕ РЕЧИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-94
ББК 84(7Coe)-44
П 38

Плевако, Федор.

П 38 Самые яркие речи / Федор Плевако. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-17-109908-4.

Дорогой читатель! Книга, которую ты держишь в руках, уникальна. Это сборник речей русского адвоката, жившего в конце 19 века, Федора Плевако. Почему же его выступления во время защиты до сих пор, в наши дни, обладают такой силой? В чем их уникальность? Почему эту книгу можно читать как увлекательный роман – ведь и сейчас не только юристы, но и простые читатели пишут о речах Плевако восторженные отзывы и рецензии, сравнивают его выступления и его жизнь с увлекательным сериалом, фильмом подобным приключениям Шерлока Холмса или героев романов Агаты Кристи?

УДК 821.111(73)-94
ББК 84(7Coe)-44

Художественно-документальное издание

Моя жизнь

**Федор Плевако
САМЫЕ ЯРКИЕ РЕЧИ**

Ведущий редактор *А. Минина*

Дизайн обложки *Д. Агапонов*

Верстка *А. Грених*

Корректор *Т. Кузьменко*

Подписано в печать 17.01.2020

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 16,8.

Доп. тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2020 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-109908-4

© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Предисловие	4
-------------------	---

ЧАСТЬ I. РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО НА УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ

Речь в защиту Солодовникова и Медынцевой (дело игуменьи Митрофании)	11
Речь в защиту Н. А. Лукашевича	59
Речь в защиту Каструбо-Карицкого (дело Дмитриевой)	108
Речь в защиту князя Г. И. Грузинского	144
Речь в защиту купца С. Замятина	168
Речь в защиту А. М. Бартенева	188
Речь в защиту А. Максименко	221
Речь в защиту Левченко (дело Харьковского кредита)	260

ЧАСТЬ II. РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Речь в защиту рабочих фабрики Коншинской мануфактуры	273
Речь в защиту 34 крестьян села Люторич	274
Отрывок из речи в защиту рабочих фабрики товарищества Саввы Морозова	285
	306

ЧАСТЬ III. ЮМОР КАК ОРУЖИЕ ЗАЩИТЫ

Защита неграмотной женщины	307
Защита мужа, убившего сварливую жену	308
Защита священника-грешника	311
Защита укравшей чайник старушки	313
Защита от проститутки	314
Защита крестьян от жадности помещика	316
Маленькая хитрость Плевако	317
Самый лучший гонорар	318
	319

Предисловие

*Право есть искусство добра и справедливости.
лат. Jus est ars boni et aequi.*

Дорогой читатель! Книга, которую ты держишь в руках, уникальна. Это сборник речей русского адвоката, жившего в конце 19-го века, Федора Плевако. Почему же его выступления во время защиты до сих пор, в наши дни, обладают такой силой? В чем их уникальность? Почему эту книгу можно читать как увлекательный роман — ведь и сейчас не только юристы, но и простые читатели пишут о речах Плевако восторженные отзывы и рецензии, сравнивают его выступления и его жизнь с увлекательным сериалом, фильмом, подобным приключениям Шерлока Холмса или героев романов Агаты Кристи?

Дело в том, что жизнь Федора Плевако действительно похожа на сюжет о супергерое. Здесь есть и драма, и долгий путь через тернии к звездам, и настоящие подвиги, изменившие ход истории не только судебного дела в нашей стране, но и судьбу самой страны.

Его можно назвать русским Робинем Гудом 19-го века. При жизни его называли Златоустом, а на заседании суда, где Федор Никифорович выступал, защищая обвиняемых, собиралась толпа простых людей, достигавшая нескольких тысяч человек!

Защитник — в прямом и переносном смысле слова — Федор Николаевич проработал адвокатом 40 лет и за эти годы выиграл почти все процессы — более двух сотен. К нему выстраивалась очередь на несколько лет вперед, а дела, в которых он принимал участие, неизменно становились самыми громкими во всей стране.

Конец 19-го века — это начало очередной для нашей истории эпохи перемен. Из-за судебной реформы целиком меняется вся судебная система России: теперь вместо закрытого суда, который проводился тайно, появляются суды присяжных, организуется институт общественных защитников, который не зависит от государства. У нового времени появляется новый герой — Федор Плевако.

И, как у любого настоящего героя, большие испытания и трудности преследуют его с рождения и даже являются прилагаемыми обстоятельствами его появления на свет: Фе-

дор Никифорович родился в степях под Оренбургом, в городе Троицк, в семье было четверо детей, двое из которых погибли еще во младенчестве.

Отец, из рода обедневших дворян, служащий на таможне, горячо обожал свою — увы — гражданскую жену, калмычку, и потому не состоял с ней в законном браке, что было трагедией для семьи. Мать Федора осуждали окружающие — в те времена жизнь в нецерковном браке приравнивалась чуть ли не к проституции.

В семье даже была легенда о том, что бедная женщина, не вынеся давления, в какой-то момент решила свести счеты с жизнью, но Федор своим громким плачем будто бы протестовал против этого ужасного действия, да так неистово, что мать не решилась совершить суицид. Такова была первая «защитная речь» младенца, в будущем — великого адвоката.

Но самое страшное заключалось в том, что, по закону того времени, незаконнорожденные дети считались людьми второго сорта, они не имели никаких прав и даже не могли быть наследниками.

Изначально обстоятельства жизни Федора Плевако сложились так, что он вынужден был расти изгоем: одаренный ребенок, еще в училище он попал на золотую доску почета школы. Уже во втором классе Федор спокойно умножал в уме трехзначные числа. Но из-за обстоятельств рождения и Федора, и его брата Дормидонта ис-

ключили из училища, несмотря на их способности и заслуги.

Семья переехала в Москву, и Федор поступил в гимназию, сразу в следующий класс. Затем он с блеском закончил юридический факультет Московского университета, а к двадцати пяти годам по всей столице стали ходить слухи о его таланте, и буквально еще через два года Федор Плевако был одним из самых лучших и дорогостоящих адвокатов Москвы.

Природа наделила Федора Плевако незавидной внешностью: калмыцкое лицо, широко расставленные раскосые глаза, непослушные волосы и при этом редкая хлипкая борода, низкий рост и неуклюжесть, и что самое поразительное и, казалось бы, ужасное для адвоката — тихий, по словам его коллеги, не менее выдающегося адвоката Анатолия Федоровича Кони, «пришептывающий голос»! Но его исключительная память, пытливый ум и эрудиция компенсировали это с лихвой. А свои речи он зачитывал с такой заразной мощью, убедительностью и искренностью, что от тихого голоса, как подтверждали многие его современники, дрожали стены! Столичные газеты в те времена писали о трех достопримечательностях Москвы: Царь-пушке, Царь-колоколе и Федоре Плевако.

К тридцати шести годам Федор Николаевич зарабатывал баснословные деньги. К этому периоду своей жизни его можно смело назвать настоящим русским Робинсом Гудом: он без стеснения

требовал огромные гонорары от купцов, которых защищал. Одновременно с этим Федор Николаевич жертвовал колоссальные суммы своих накоплений детям-сиротам, нищим рабочим (наиболее яркие и редкие выступления в защиту рабочих вы можете прочитать в разделе «Политические речи»), беднякам и инвалидам. Купив немыслимый по роскоши двухэтажный особняк в Москве на Новинском бульваре, Плевако совершенно спокойно давал своим подзащитным возможность пожить у него дома и даже оплачивал все расходы во время разбирательства. Он никогда не отказывал беднякам и часто брал чисто символическую плату, даже в виде «натурпродукта».

Самое удивительное в этой, казалось бы, почти сказочной истории жизни то, что Федор Николаевич никогда не шел на сделку со своей совестью. Особенно показателен один случай суда над братьями, обвиняемыми в хищении денег — именно на этот процесс из-за присутствия Плевако собралась трехтысячная толпа обычных людей. Конечно, все — и простой народ, и присяжные, и даже судьи — были уверены в том, что Плевако мастерски разнесет обвинителя в пух и прах и, скорее всего, выиграет дело. Однако в ходе заседания Федор Николаевич вдруг вскочил и стал с невероятным жаром доказывать вину своих подзащитных. Прямо на суде он понял, что братья виновны.

Но самое большое испытание ждало Федора Плевако впереди, или, как говорят, проиграл он

самое крупное дело в своей жизни. Данное судебное разбирательство тянулось целых два десятилетия. Это было не убийство, не кража и не политическая стачка — а печальная история любви между самим Федором и его подзащитной, Марией Демидовой.

Мария пыталась добиться от своего мужа-миллионера развода. Бракоразводный процесс длился 20 лет, и до самой смерти бывший муж был не согласен ее отпустить. Мария Демидова и Федор Плевако очень сильно полюбили друг друга, у них появилось, по некоторым источникам, трое детей. Горькая история детства Федора повторялась: его дети были незаконнорожденными, бесправными, не имеющими полномочий унаследовать славу и богатство гениального отца. Федор Николаевич всеми силами пытался не допустить этой трагедии — он оформил своих детей как подкидышей, а потом много-много лет своими прошениями добивался присвоения детям своего отчества и фамилии.

Федор Плевако умер в шестьдесят шесть лет от разрыва сердца — так в те времена называли инфаркт. Его похороны проходили при невероятном скоплении совершенно разного народа. Его любили все: миллионеры, купцы, рабочие и нищие. И даже почти столетие спустя, когда кладбище Скорбященского монастыря, где был похоронен Федор Плевако, сносили, из нескольких тысяч захоронений только его останки с официального разрешения властей перезахоронили на

Ваганьковском кладбище. На его надгробии высечена цитата из Библии, которую Федор Николаевич часто произносил на своих выступлениях: «Не с ненавистью судите, а с любовью судите, если хотите правды». На его родине, в городе Троицке, ему поставлен памятник. В девяностые годы Гильдия российских адвокатов учредила золотую медаль имени Плевако, которой и по сей день награждаются адвокаты за выдающиеся успехи в защите конституционных прав и свобод. Интересно, что этой медалью также награждаются ученые, журналисты, деятели культуры и даже учебные заведения — за особый вклад в правозащитную деятельность.

В этой книге самые громкие и знаменитые выступления, являющиеся эталоном и учебником для многих поколений русских юристов, чередуются с редкими и малоизвестными речами. Федор Плевако — гениальный оратор, полагающийся только на совесть, импровизацию и силу вдохновения. Его речи по сей день помогают нам помнить о том, что любая ситуация очень часто совсем не такая, какой может выглядеть на первый взгляд, а значит, не стоит судить и осуждать, не зная всех подробностей и обстоятельств. Он учит нас столь актуальной в наши времена осознанности. Но самое главное — он учит нас тому, что из любой, даже самой сложной и страшной ситуации, можно найти выход. И победить.

Часть I.
РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО
НА УГОЛОВНЫХ
ПРОЦЕССАХ

**Речь в защиту Солодовникова
и Медынцевой
(дело игуменьи Митрофании)**

*(обвинение в краже, подлоге,
мошенничестве, присвоении
и растрате чужого имущества)*

Господа судьи и господа присяжные заседатели! Пришло время свести счеты игуменьи Митрофании по делам с Солодовниковым и Медынцевой, за которых я пришел ходатайствовать на суде. Пришло время решить: клевета врагов или темнота собственных поступков привели игуменью и весь этот штат на скамью подсудимых. Десятидневное доказанное вашими запросами внимание к делу обязывает меня щадить ваше время, и вы позволите мне прямо вступить в середину

этого дела, прямо заняться решением существенного вопроса процесса.

Хороши ли документы, написанные от имени Медынцевой, не взяты ли они задними числами, когда она была под опекой, выманены путем обмана и пущены в свет с целью разорить ее?

На этот вопрос нет возражения. Особенность процесса Медынцевой в том и состоит, что подсудимые не отвергают обмана, только стараются свалить зло с одной головы на другую. От хорошей вещи, от честного дела никто не отказывается; хорошую вещь не прочь иметь и тот, кому она не принадлежит. А здесь мы видим не то: всякий чуждается этих векселей. Спрашиваем Трахтенберга: ваши эти векселя? — Нет, нет, это матушка мне их дала. Спрашиваем Красных — а на ваше имя писанные — ваши? — Нет, мне матушка велела написать, я написал и ей отдал. Макаров тоже отмахивается рукой в ее сторону, а игуменья, в свою очередь, валит вину на Макарова, Трахтенберга и Толбузина...

Есть векселя, писанные на подрядчиков общины и на монахинь, но и те в один голос отвечают, что с Медынцевой векселей не брали, дел не имели и что до опеки, — она была им неизвестна.

Казалось бы, при таком порядке вещей следствие должно было остановиться на тех, на чьи имена писаны векселя. Но к чести правосудия, оно не оставалось на внешности, на орудиях преступления; оно проникло вглубь, отыскивало дей-

ствительных виновников, отыскало душу преступления и предложило труды свои вашему вниманию. Следствие доказало вам, что было время, когда Медынцева, отданная под опеку, жила у игуменьи Митрофании и подчинялась ее влиянию. Защита не оспаривает подобной черты характера Медынцевой и в течение этих дней очень часто обращала внимание на то, что и сейчас Медынцева подчиняется слепо влиянию тех, кто ее окружает и кому она верит. Медынцева была такою и тогда, и игуменья имела все средства взять с нее бланки. Но когда они взяты? Обвинение предполагает, что это случилось в квартире Трахтенберга, когда взяты были с нее подписи на продолговатых белых бумажках. Я не стану поддерживать этого положения. Медынцева, с полной откровенностью показывавшая о деле, что она помнит, рассказала, что всегда и везде бесконтрольно подписывала все, что ей приказывала игуменья; но рассказывая, что она помнит, она сочла долгом не утверждать того, что эти белые бумажки были векселя.

Не уловив момента, когда были взяты бланки, обвинение и потерпевшая сторона ничего от этого не теряют. В дальнейшей судьбе векселей, в их пользовании и способе обращения их выясняются люди, кому эти векселя были надобны, и средства, какими они пользовались при этом.

У нас есть факт, что текст векселей в большинстве написан измененною рукой игуменьи,

в чем она здесь созналась, хотя и отрицала это на следствии, — факт, что они написаны на имя ее послушниц, на имя ее подрядчиков и ее спутников в делах — Махалина, Трахтенберга. Каким же образом могло случиться, что обманывали Медынцеву Трахтенберг и Толбузин с Макаровым, а на векселях появлялись не отвергаемые ее послушницами безоборотные бланки и собственноручные тексты игуменьи? Игуменья говорит, что тексты и бланки были заранее написаны для дел Смирновых, что эти тексты и бланки исчезли и ими злоупотребили ее бывшие друзья и ближние. Неправдоподобное объяснение! По делу Лебедева игуменья говорила другое, что она, напротив, любительница на случай нужды брать с купцов бланки без текста, а здесь уверяла, что у нее заранее заготавливаются на случай надобности тексты без подписей.

Затем, есть или нет правды в объяснениях игуменьи о похищении бланков, но написанные задним числом и выманенные у Медынцевой подписи на векселях в начале 1873 года все собираются в руках игуменьи. Это время сушкинской сделки. Она очень характеристична. В ней мы увидим всех действующих лиц этой обирающей Медынцеву компании и единодушную работу для этой цели.

Из слов Ушакова вы знаете, что на 150 тысяч рублей векселей Медынцевой он свез к Сушкину. Сушкин не изумлялся, не сомневался: от игуменьи он уже знал о товаре, ему предложенном. За